

СЕМАНТИКА ОБРАЗА МЕТЕЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ С.А.ЕСЕНИНА

Соколова И. Г., кандидат филологических наук, доцент

"Жизнь" слова в художественном тексте чрезвычайно интересна. По наблюдениям исследователей, значение слова в художественном тексте часто оказывается несколько иным, чем языковое словарное значение. "Слово меняет предметную соотнесенность. Семы, составляющие языковое семантическое ядро, заменяются частично или полностью. В тексте возникает оригинальная смысловая периферия, и лишь отдельная языковая сема переходит в состав речевого смысла" [1, с.73]. "Контекст актуализирует языковое семантическое ядро образа, подтверждая его содержание" [2, с.76].

Этим объясняется выбор темы данной статьи, а также цели и задачи ее: на материале произведений С.Есенина показать специфику поэтического видения поэта, выявить особенности его творческого опыта, определенные приемы, с помощью которых создает он образы.

Чтобы раскрыть тему, необходимо прежде провести лингвостилистический анализ слова-образа метель в произведениях С.Есенина и его синонимов вьюга, пурга, замять, завируха, пороша и пороша, обнаружив специфику каждого из них, в том числе и диалектных форм.

Таким образом объектом исследования стал повторяющийся в поэзии С.Есенина сложный образ метели, выраженный по-разному и наделенный суммой определенных коннотаций. Посредством сплошной выборки, осуществленной из собрания сочинений С.Есенина в пяти томах (гос.изд-во, худ.лит., М., 1961-1962 гг.), было выделено более 80 (81) различных образов метели, имеющих как прямые, так и переносные номинации. Ядерным компонентом каждого из образов является денотат слова (или денотаты других образных средств, дублирующих данный образ), которое становится номинацией образа.

"Исследуя язык художественного произведения, мы обращаем внимание на речевые средства, создающие художественный образ, т.е. анализу подвергаются те общезыковые средства, которые автор использует для формирования структуры художественного произведения" [2, с.74]. Иначе – "...художественная речь выступает как форма выражения образного содержания..." [3, с.186].

Определение образа, данное в статье И.Я.Чернухиной [4, с.65], позволяет ей разграничивать образ паруса и образ автора (образы типа А и Б), которые являются, безусловно, разными образами. К Чернухиной присоединяется В.И.Ховаев [2, с.74,75]. Предметом рассмотрения, например в статьях лингвистов, чаще становятся образы типа А (образы паруса, березы и др.). Это происходит, возможно, потому, что, создавая образ, писатель часто использует слова с мотивированной семантикой, обладающие внутренней формой, вызывающей определенные ассоциации; а семантика образа находит свое выражение в лексическом наполнении, в "словаре художественного образа" [2], что позволяет Чернухиной выдвинуть понятие "лексическая структура образа" [4, с. 69, 71; 5, с.88, 89].

Естественно поэтому, что предметом нашего внимания, если следовать предложенному делению, являются образцы типа А. Ядерным компонентом такого об-

раза "является денотат слова, который становится номинацией образа. Коннотации образа могут быть выражены этим же словом, но могут создаваться и за счет денотатов и коннотаций других слов, включенных в состав образных средств, с помощью которых реализуется данный образ"[4, с.56]. Воспользовавшись тем, как это делает И.Я.Чернухина, приведем пример из лирики С.Есенина: Пушистый звон и руга, И камень под крестом. *Стегает злая вьюга Расщелканным кнутом.* [Пушистый звон и руга...", [II:35] (Первая цифра указывает том, вторая – страницу).

Ядерным компонентом данного образа является денотат слова вьюга: "*сильная метель, снежная буря*" [Словарь русского языка в 4-х томах, далее сокращенно СРЯ-4, 1:293], а буря – это "ненастье, сопровождаемое *сильным, разрушительным ветром*, часто с дождем или *снегом*" [СРЯ-4, 1:127]. Коннотации этого образа содержатся в слове вьюга [буря]: "нечто, вызывающее беспокойство, страх; опасное, пугающее". Эти коннотации развиваются денотатами метафорического эпитета (злая), метафорического глагола (стегает), денотатами орудия вьюги (расщелканным кнутом). Повтор звука с и звука щ создают впечатление свиста (кнута вьюги). Коннотации эпитета, глагола-метафоры, а также звукопись (в основе здесь сравнение, уподобление воя вьюги свисту, щелканью кнута) "работают" на коннотации слова вьюга: "нечто страшное". Следовательно, в пределах фразы, включающей несколько образных средств, не только обосновываются коннотации слова вьюга, но и модифицируется его денотат: благодаря соположению с денотатами метафорического эпитета и глагола-метафоры понятие вьюга олицетворяется, что поддерживается и сопоставлением с детонатом сравнения.

Наблюдения И.Я.Чернухиной показывают, что среди образов типа А можно выделить четыре класса [4, с.66,67] и далее разделить на вкусовые, звуковые, зрительные и др.

Посмотрим, как "работает" эта классификация, обратившись к образу метели в лирике С.Есенина. Итак, в результате сплошной выборки было отобрано более 80 случаев употребления поэтом слова метель и его синонимов вьюга, пурга, заметь, завируха, пороща. В это число входят и те случаи, когда само слово (метель, пурга, вьюга) отсутствует, но ядерный детонат данного образа получает дублирование в других образных средствах (т.е. эксплицируемый детонат выражен имплицитно).

Однако прежде чем мы перейдем к рассмотрению данного материала, остановимся на значениях слов метель, пурга, вьюга. Итак, метель - это "*сильный ветер со снегом, вьюга*" [СРЯ-4 11:260]; вьюга - "*сильная метель, снежная буря*" (т.е. *сильный, разрушительный ветер*) [1:127]; пурга - "*сильная снежная вьюга, снежная буря.*" "Пурга – это снежный ураган, во время которого температура понижается по -15° С и ветер бывает так силен, что снимает с домов крыши и вырывает с корнями деревья", – уточняет Арсеньев ("По Уссурийской тайге") [СРЯ-4, 111:559], у Даля пурга – "*буран, метель, вьюга, снежный вихрь...*" [СРЯ-4, 111:539]. Как видно, слова эти синонимы, толкуются друг через друга. Разница – в их образовании. Этимологический словарь Н.М.Шанского поясняет: "Вьюга – собственно русское. Образовано с помощью суффикса -уга- от виться, веять, известного еще в диалектах" (ср. вьюн, вить, крутить) [6, с.99]; "метель – кроме русского отмечено и в др. языках (напр., в польском, – miot – бросать); образовано с помощью суффикса -ель- от су-

ществительного <мет>, еще употребляющегося в диалектах" [с. 264]; а пурга "заимствовано из финского (в карельском *purgu* – это "снежная буря", в финском – *purku* – "метель, вьюга") [с. 374].

Итак, можно выделить следующие денотативные компоненты значения: "природное явление, стихия" (интегральный компонент значения, архисема); "ненастье", обязательно с "сильным" (сема "интенсивности", "силы") "ветром" и "снегом"; "снег" – дифференциальный компонент (сема) в значении этих слов (в отличие, скажем, от "дождя" или урагана, а в зависимости от времени года – *суховея* (с пылью – пыльная, песчаная буря, ураган, вихрь – смерч); ср.: снежный ураган, буря – вьюга, метель, пурга, буря (буря, бурный), (обл.) завируха; буря песчаная – смерч; буря морская – шторм). "В ... семном составе лексического значения образность проявляется через денотативные семы, которые отражают обозначаемое конкретно-изобразительно. Данные семы могут быть связаны с ассоциативно-близкими реалиями и с одним обозначаемым" [1, с. 54].

Теперь можно обратиться к рассмотрению фактического материала. Наблюдения показывают, что среди общего числа случаев большое количество приходится на образы первого типа, т.е. образы, ядерные денотаты которых не сопоставляются с денотатами образных средств (иначе можно сказать, что слово употреблено в своем прямом значении). Это стихотворения "Воспоминание" [I:72], "Сиротка [I:106]", "Колдунья [I:169]", "Поет зима – аukaет,.. [I:57]", "Что прошло – не вернуть [I:75]", "Голубая кофта, синие глаза [III:106]", "Клен ты мой опавший... [III:127]", "Годы молодые с забубенной славой" [II:153], "Лисица [I:251]".

В примерах: "Повенчался Ус с синей вьюгой [I:114], "Что стоишь нагнувшись под метелью белой" [III:127] синие и белые метели и вьюги мы не относим к образам третьего класса по той причине, что эти цветочные эпитеты уже в достаточной степени устоявшиеся, постоянно повторяющиеся, и первоначальная образность здесь стерта. Подчеркивается цвет снега – белый или синий (в зависимости от освещения, времени суток). Потому к 1 классу относится и образ метели в примере "желтый хвост упал в метель пожаром...": здесь цветочный контраст – рыжий цвет лисьего хвоста подчеркивает белизну снега и наоборот. Выражения вьюга завывает, ревет (с ревом бешеным) также устоявшиеся, кроме того, вьюга (и др.) всегда сопровождается определенными звуками (об этом дальше), хотя здесь образ не дублируется звукописью. Слова употреблены в своем прямом значении.

В этих стихотворениях мы встречаем 15 образов 1 класса: 8 примеров со словом вьюга, 5 – со словом метель и 2 со словом пурга.

Ко второму классу образов мы отнесли образ метели в следующих стихотворениях: "Письмо к деду" [II:229], "Ответ" [II:215], "Свищет ветер, серебрянный ветер..." [III:114] (звукопись, выполняющая изобразительную функцию; см. нашу работу о звуковых образах метели у Есенина: 7).

Поэтом созданы различные звуковые образы метели: 1. вой и шум, 2. свист, 3. стон, 4. свист, переходящий в шум-шелест (легкий шум) [СРЯ-4, 4:708,726]. Возможно возражение, что словами-образами здесь являются глаголы свищут, свистит, стонет ("Метель свистит", "протяжно стонет"). Однако подобные звуки (вой, шум,

свист, стон) были бы невозможны, если бы не метель – снежный ветер, т.е не вообще, конечно, а в данных описаниях стихии, так как ветер бывает не только снежный.

Тут стоит остановиться подробнее на значении слова ветер. В СРЯ-4 [1:158] - это "движение потока воздуха в горизонтальном направлении" (запомним это) и ничего, что бы указывало на звук. Мы бы добавили – "движение потока воздуха, сопровождаемое шумом и различными звуками...", поскольку один из примеров, приведенных в словаре, демонстрирует, как нам кажется, этот компонент значения: "Голубая даль от Умбрских гор. Вдруг – минутный ливень, ветер прохладный, За окном открытым – громкий хор" [Блок, "Перуджия"]. [Ср. у Есенина: "Свищет ветер, серебрянный ветер В шелковом шелесте снежного шума]. Это противоречие тем более заметно, если обратиться к словарным толкованиям существительных вой, стон, свист, шум: вой – "// Звуки, напоминающие завывание собаки, волка [СРЯ-4, 1:203]; свист – "// звук, возникающий при быстром движении воздушного потока в слоях атмосферы" [4:51]; стон – "(Заунывный, протяжный крик, гул, напоминающий этот звук" [4:274]; шум – "1. Совокупность неясных глухих звуков, сливающихся в однообразное звучание, гул" [4:736]. Итак, ни в одном толковании (кроме толкования слова свист) мы не находим указания на звуки, "возникающие при движении воздушного потока", однако это любые звуки вообще, тем более, что среди приведенных в словаре примеров обязателен такой: слышался вой (шум, свист, стон) ветра. Но словарные толкования указывают на "качество" (качественные характеристики) издаваемых (напр. ветром) звуков: протяжные, заунывные; однообразные, неясные глухие; резкие, высокие [свист в первом значении]; напоминающие завывание собаки, волка [вой – "продолжительный, протяжный стон..."]; гул – "Не вполне ясный, сливающийся шум" [СРЯ-4, 1:356].

Таким образом, в названных стихотворениях С.Есенина в образах метели актуализировались скрытые семы, содержащиеся в другой семе ["ветер"] и наполняющие значение "вглубь" [8, с. 62]. А.А.Уфимцева указывала, что значение слова представляет собой иерархию признаков, создающих не плоскостную смысловую структуру, а структуру, обладающую глубиной [9, с. 81].

Теперь обратим внимание на интересные случаи употребления в произведениях поэта образов метели 1 и 2 классов, разберем образы 3 класса и остановимся на способах выражения образа метели.

В литературоведении также обращали внимание на "метельные" стихи поэта. Л.Г.Юдкевич писал о стихотворениях 1925 года [10, с.184-187]. По свидетельству С.А.Толстой-Есениной, "осенью 1925 года...Есенин несколько раз говорил о том, что он хочет написать цикл стихов о русской зиме. "Эх, вы сани! А кони, кони!.." – первое стихотворение в этом цикле. За ним последовали другие на ту же тему. В течение трех месяцев, почти до самой своей смерти, Есенин не оставлял этой темы и написал двенадцать стихотворений..." [III:249]. В то же время стихи эти в самостоятельный цикл объединены не были.

Интересный анализ стихотворения "Пороша" (и других) дан в книге В.Базанова [11, с.110,111, 276-278; см. также 12, с.46-49, 63, 67-70; 13, с.190; 14].

Однако оставим в стороне литературоведческий разбор последних стихов поэта. Обратимся к символическому образу метели, характеризующему состояние по-

эта, страны, являющемуся своеобразным синонимом испытаний, трудностей. В. Коржан пишет, что к символике метели Есенин обратился в последний период творчества [13, с.186]. Нам думается, что символическое наполнение этот образ у поэта получал и раньше, вопрос еще и в том, какой периодизации творчества Есенина придерживаться [15].

Нас будут интересовать примеры из произведений: "Ленин" [III:144]; "Песнь о великом походе", [III:151]; "Письмо к женщине", [II:204]; "Неуютная жидкая лунность..." [III:169]; "Цветы" [II:223] (где вьюга - это революция, т.к. "дело было в октябре"); та же символика в "Письме к деду" (1924 г.): "В стране, объята вьюгой И пожаром..."[II:233]. В примере: "И выйдет девушка к тебе, Водой окатит из колодца, Чтобы в *суровом октябре* Ты мог с метелями бороться ["Весна",II:239], как нам кажется, слово метель употреблено и в прямом, и в переносном значении, т.е. герой "мог бороться"и с простудами и с трудностями. Все остальные образы получают признаки абстракции. Часто в пределах одного стихотворения могут встречаться образы разных классов (2 и 3, напр., в "Письме к деду").

Итак, можно сказать, что образ метели в лирике С.Есенина является повторяющимся образом. Это сквозной образ русской поэзии. Вспомним "бесов" и символический образ бурана в "Капитанской дочке" А.С.Пушкина [16, с.174-178]; "метельные, снежные" стихи А.Блока [цикл "Снежная маска", в котором "привычные на первый взгляд словоупотребления образуют совсем иные, резко необычные, спектры поэтических значений" [17, с.36; с. 36-39 - анализ "бесконечно расширяющегося спектра поэтических значений семантемы снег в цикле], а также поэму "Двенадцать".

Повторяющиеся образы есть у многих поэтов, некоторые характерны для русской поэзии вообще. Чаще это зрительные образы – идеальные сущности, выраженные словами с предметным значением. Например, образ дерева: у Есенина – клена, черемухи и, конечно же, березы. "Повторяющимся образом может быть идеальная сущность, названная непредметным словом. Такое слово может представлять собой сложный образ, объединяющий признаки зрительного, слухового, осязательного" [4, с.72]. Лексическая структура таких образов практически беспредельна, а ее компоненты не поддаются достаточно полному перечислению [4, с.71]. Так, на помощь лексике при создании слуховых образов приходит звукопись, что подтверждается и данным фактическим материалом. Звукопись может дублировать также образы, являющимися одновременно слуховыми и зрительными. Именно таким сложным образом является образ метели в поэзии Есенина. "При этом слово может сохранять свое прямое значение, его денотат не модифицируется" (образы первого класса) [4, с.72]: Снежная замять дробится и колется; Через метель – огонек у окна [III:101]; Хороша бесшумная трель его, Когда топит он боль в пурге [II:91]. Структура сложного образа разнообразна. "Образ метели может быть выражен имплицитно, и при этом денотат слова, которое эксплицируется, не подвергается изменению": "Снежная замять крутит бойко..."[III:107], образ 1 класса. Эксплицируемый денотат, выражен имплицитно: "Не белы снега по-над Доном Заметали степь синим звоном [I:114]; "Снежный звон", "снежный вой", "метельный вой", "метельный 17 год" [III:172, 174,179];"В окнах *бурунный Вспург*" [III:170,175](интересно авторское об-

разование по типу – метельный всплеск); “Эксплицируемый детонат, выраженный имплицитно, может дублироваться звукописью”: “*Свищет ветер, серебряный ветер, В шелковом шелесте снежного шума*” [III:114]. Детонат слова метель может модифицироваться благодаря сближению с детонатами, входящими в образные средства [образ 3-го класса]”: “*Плачет метель как цыганская скрипка*” [III:110]; Ах, метель такая, просто черт возьми. *Забивает крышу белыми гвоздями*” [III:111]. “Образ метели в таком случае может получать признаки абстракции, если не имеет “закрепления” во времени и пространстве”: “*Ветры, ветры, о снежные ветры, Заметьте мою прошлую жизнь*” [II:91]; “*читать метель за синий цветень мая...*” [III:134]; “*Может, под песню вьюг Умер последний друг...*” [III:169] (вьюга символизирует временной отрезок – несколько зим (лет) – от революции (1905) до революции (1917); “*Тяжко идти средь Пург*” [III:168] (слово употреблено и в прямом и в переносном значении – символизирует множественность испытаний героев, поэтому стоит во мн. ч.).

В стихотворении “Голубая кофта. Синие глаза...” [III:106] два самостоятельных образа, дублирующих друг друга, а вообще – в этом коротком стихотворении образ метели усложняется [от 1 к 3-му классу] и получает символическое наполнение: Милая спросила: “*Крутит ли метель?*” – Я ответил милой: “*...С высоты Кто-то осыпает белые цветы... – У меня на сердце без тебя метель*”; продолжим перечисление примеров: “*Милая, добрая, старая, нежная, С думами грустными ты не дружишь, Слушай - под эту гармонику снежную Я расскажу про свою тебе жизнь... А за окном под метельные всхлипы, В диком и шумном метельном чаду, Кажется мне – осыпаются липы, Белые липы в нашем саду*” [“Снежная замять дробится и колется, III:101-102]. Здесь наблюдается такое же движение – усложнение образа (от 1 к 3 классу); образы дублируются еще и звукописью. Теперь у вас зима. Помыслишь ты, как будто кто *Черемуху качает И осыпает Снегом* у окна [“Ответ”, II:215].

Образов метели 3 класса в лирике С.Есенина много. Вихревые, метельные образы переходят из стихотворения в стихотворение [11, с.276]. Каждый из них можно проанализировать так же, как приведенный в начале статьи: “*Пушистый звон и руга...*” Не будем останавливаться на всех остальных примерах. Отметим лишь следующие моменты. В стихотворениях “*Метель*” [II:235-236]; “*Ответ*” [II:216], сравнение сопровождается, как нам думается, звукописью.

К образам 3-го класса относятся также следующие: “*Белокошая девица - вьюга*” [I:114]; “*А по двору метелица Ковром шелковым стелется*” [I:57]; “*Разыгралась тройка-вьюга, Брызжит пот, холодный, терпкий...*” [I:208] (здесь подчеркивается сила, мощь стихии, быстрота ветра); “*Метель ревела Под оконцем Как будто бы плясали мертвецы...*” (т.е. страшно в смысле очень сильно (ревела) и страшно в смысле испытывать страх) [III:43][II:111,112]; “*В декабре в той стране снег до дьявола чист, И метели заводят Веселые прялки...*” (здесь сравнение с жужжанием “веселой прялки”); “*Метель теперь хоть чертом вой, стучись утопленником голым...*” [II:238]; “*Догорели синие метели*” [I:268]; “*Под окнами костер метели белой*” [III:42] (аналогичный образ (“снежный огонь”) есть у А.Блока в цикле “Снежная маска”; вьющиеся снежинки, действительно напоминают искры костра и тоже обжигают, только холодом); “*Будет злобно крутить пороша...*” [I:234]; “*Заметает пурга Белый*

путь, Хочет в мягких снегах *Потонуть*", "*Испугалась пурга* На снегах, *Побежала* скорей на луга" [II:69-70]. В ряде примеров присутствует олицетворение, некоторые сравнения характерны для народной поэтической речи (см. также I1, с. 235).

Понятие метели у Есенина "может становиться образным средством для воспроизведения других образов, связанных с метелью по ассоциации, т.е. растворяться в других образах 3-го класса [4, с. 72]: "*Сыплет черемуха снегом...*" [I:62]; "*Как метель, черемуха машет рукавом*" [I:138]; "*...багряной метелью* Нам *листвы* на крыльцо *намело*" (листва "отгоревшей рябины") [III:93]; "*Грозовой распластались вьюгою* От плечей моих *восемь крыл*" [II:37]; И *скажу* ему *голосом вьюг*" [II:38] (грозно, холодно).

Продолжим перечисление примеров, в которых понятие метели растворяется в других образах 3-го класса: "*...яблонь весеннюю вьюгу...*" ("Неуютная жидкая лунность", III:68); "*...в черемуховой вьюге ...*" ("Жизнь - обман с чарующей тоскою...", III:87); "*...кони, как метель, снег летят* в хлопья" ("Годы молодые с забубенной славой...", II:154) - "метели нет, снег летит из-под копыт; "Слушать *чувственную вьюгу*" ("Дорогая, сядем рядом...", II:139) [у Есенина этот образ повторяется дважды; ср. также "*...звать любовью чувственную дрожь*", III:135], т.е. образы 3-го класса - это часто переносные наименования.

*Закружилась пряжа снежистого льна,
Панихидный вихорь плачет у окна,
Замело дорогу вьюжным рукавом,
С этой панихидой век весь свой живем.*

[*"Закружилась пряжа снежистого льна..."*, V:257, дополнение к I тому].

Это стихотворение, написанное в 1916 году (3-й военный год), трагическим ощущением происходящего (вокруг и в душе поэта) как бы предвосхищает "вихревые, снежные" стихотворения 1925 года. Катастрофичность существующего мира, предчувствие грядущих потрясений подчеркивается пением и рыданием ветров; ощущение расколотости мира, пустоты и безлюдности, одиночества - противопоставлением: здесь – "с панихидой век свой весь живем" и там – "*нам за гробом грусти не видать вовек*", нам – им (мн.ч. не случайно, хотя мы в стихотворении – поэт и его сердце, "бедный человек"): "*нечем нам на помин* заплатить попу", "*как помрем без пенья под ветряный звон, Понесут нас* в церковь на мирской канон. *Некому поплакать, некому кадить*, Есть ли им охота даром приходить", - остается "*Только ветер резвый, озорник* такой, *Запоет разлуку* вместо *упокой*": покоя нет [ср. предощущение будущих потрясений в лирике А.Блока; описание умирания, агонии и разложения старого "страшного мира" в "Сестрах" А.Толстого].

"Под облачным дровом *Верхом* на луне *Февральской метелью* *Ревешь ты во мне*" ["Отчарь", I:274]. "Отчарь" – один из первых поэтических откликов С.Есенина на события февральской революции 1917 года. "Обновленный мужик", вселенский богатырь Отчарь представляется поэту первозданным великаном, крепко держащим на своих плечах новый мир. Соответственно и в описании богатыря Есенин использует космические, планетарные образы. В приведенном микроконтексте ты – это Отчарь. *Февральская метель* – это февральская революция; сила, мощь стихии – метели – это и сила и стихия революции, и стихия чувств (вспомним "Чувственную

вьюгу"), и также сила Отчаря – та богатырская сила, которую чувствует в себе поэт. Таким образом можно говорить о приращении смысла, тем более, что в словаре слово метель переносных значений не имеет.

Итак, рассмотрены конкретные случаи повторяющегося в лирике С.А.Есенина образа метели: образы 1, 2 и 3-го класса. Слово образы (в данном случае не образ) во множественном числе, хотя речь идет о повторяющемся образе метели, употребляется постольку, поскольку в каждом конкретном случае этот образ получает исключительные, единичные коннотации, которые могут иногда суммировать то, что достигнуто поэзией в целом [4, с. 73], а также "...выразить трудно выразимое и обозначить то, для чего в норме нет прямого обозначения..." [18, с. 100]. В каждом отдельном случае конкретный образ освещает одну из граней, сторон постоянного, повторяющегося образа. У С.Есенина, как было показано, это может быть 1 слово (образное слово) – [1] образ (микрконтекст 2-4 строчки, 1-й, начало второго периода творчества), а может быть и несколько слов-образов – сложный образ (конец II, III период творчества). Ступенчатое развитие образа – одна из особенностей поэтической системы Есенина [11]. По нашему мнению, скорее, спиральное. Это относится и к отдельному стихотворению (напр., "Ответ" (1924 г.), II:215-218), и к циклу (стихотворения 1925 года), и ко всему творчеству поэта, если иметь в виду систему контекстов: от микрконтекста, через контекст стихотворения, цикла, к контексту творчества и далее контекста национальной культуры и др. культур, напр., европейской [19; 16, с. 169-179; 20; 21].

Отдельно хотелось бы остановиться на обозначающих метель в произведениях С.Есенина диалектных формах. Это замять, завируха, пороша. Об их месте в системе образных средств в стихах поэта писала Т.С.Жбанкова [22]. О роли диалектизмов у С.Есенина сказано довольно много [12, 13 и др.]. В то же время исследователи заметили, что постепенно, в последний период творчества поэт освобождается от диалектных слов. Они встречаются редко: напр., лихая замять [13, с. 197]. Действительно, как видно из стихов С.Есенина, диалектизмов становится все меньше, но это не касается диалектных слов, обозначающих метель, поскольку они призваны уточнить, какая именно это метель. Например, пороша. Именно пороша, а не пороша, потому, что пороша – это "пушной, рыхлый снег, *идуций в безветрие*, а потому покрывающий землю ровно" [В.Даль, III:321], "только что выпавший рыхлый снег" [СРЯ-4, III:305]. У Есенина "*валит снег и стелет шаль*" ["Пороша", I:94]; "*Снег падает, мелькает, вьется, Ложится белой пеленой*" ["Зима", I:80] (здесь вьется – кружится, "танцует" – плавно, спокойно; в стихотворении покой: "солнце в облаках мигает", ветра, т.е. метели нет); а – выпал такой снег, и – "Снежная *равнина*, белая луна, *Саваном покрыта* наша сторона" [III:112]. Мы не ставили своей целью рассмотреть поэтические значения семантемы снег в лирике С.Есенина, как это делала Е.Дрыжакова в цикле А.Блока "Снежная маска", но, думается, что это было бы не менее интересно, особенно в связи с данной темой. Таким образом в примере:..."Вы, конечно, народ Хороший, Хоть метелью Вас крой, Хоть порошей" [III:151] противопоставляются заключенные в словах метель и пороша *буря и покой*. В примерах: *Луна золотую порошею* осыпала даль деревень ["Анна Снегина", III:185]; *Сиреновой порошей* Теперь лишь только *душу излечу* ["Письмо к сестре", III:63] слово по-

роша употребляется в переносном смысле (образы 3-го класса), не зафиксированном в словаре, обозначая покой и тишину в природе и душе, которых жаждет лирический герой и сам поэт. Соответственно, строчка и образ "будет злобно крутить пороша" [I:234] воспринимается совершенно иначе [22, с. 157], т.е. пороша - метель. Сиреневый цвет пороши не случаен: еще в стихотворении 1924 года "Отговорила роща золотая..." был образ "*души сиреневая цвет*", рожденный индивидуальными ассоциациями, - "В средней полосе России в садах весной первой зацветает сирень, символизируя торжество оживающей природы" [23, с. 24].

То, что диалектное слово должно уточнить вид метели, можно сказать и о слове замять. Однако, как нам думается, это утверждение справедливо, пожалуй, лишь в одном случае. Слово это появляется в стихотворениях 1925 года, в которых, не будем забывать, образ метели вырастает в образ-символ. Из всего обилия слов с пометкой обл., арх., например, поземка, веялица, кура, хурта, заметель, падь, кидь, курево //Метуха, волокуша, понизовка и т.д. (это разные виды метели), Есенин выбирает замять – слово однокоренное метели: "заметь, метель снизу" [см. в статье к словам месть или мести [Даль, II:321,322], заметать [Даль, I: 602]; "говор. метель от мести, и мятель, от мястись [II:322; мясти: 374]. В стихотворении "Снежная замять дробится и колется..." для поэта важнее общее в значениях этих слов, нежели отличительный признак – "метель снизу", что далее в тексте находит подтверждение: "гармоника снежная", "метельные всхлипы", "дикий и шумный метельный чад", кажется, что "осыпаются белые липы". Таким образом, замять – метель. Широкому читателю, тем более современному, не знающему местного замять (даже не заметь), но по контексту вполне понимающему смысл слова, чтобы узнать, что замять – это "метель снизу", надо обратиться к словарю.

А вот в "лирической миниатюре" (выражение Юдкевича) "Снежная замять крутит бойко..." мы можем говорить о конкретизации вида метели. Несмотря на то, что это воспоминание поэта о промчавшейся молодости и поэтому образ получает признаки абстракции, мы вместе с ним видим, как сквозь "бойкий вихрь" "по полю мчится чужая тройка", поскольку, вероятнее всего, снег не идет, а лишь "вихрь бойкий" крутит и вздымает его.

Думается, что и в стихотворении, первая строчка которого "Плачет метель, как цыганская скрипка...", диалектное слово не уточняет, какая это метель: "Юношам счастье, а мне лишь память Снежную ночью в лихую замять", поскольку в последних строчках выделен именно общий компонент в значениях слов метель и замять – "...*буря* мне скрипка. Сердце *метелит* твоя улыбка".

Нас интересует еще один пример: "Гнилых нам нечего жалеть, Да и меня жалеть не нужно, Коль мог *спокойно* умереть Я в этой завирухе вьюжной." ["Весна", II:238].

Этот символический образ тоже получает признаки абстракции, так как не имеет "закрепления" во времени и пространстве (образ 3-го класса). Думается, что употребление этого областного, как сказано в словаре [СРЯ-4, I:503], слова не случайно. "Завируха – это вьюга, метель", что и подтверждает соседство слова "вьюжной" (вьюга – вить, вьюн, т.е. круговое движение). Теперь посмотрим на семантику слова *завируха*, поищем скрытые компоненты в его значении. В словаре В.И.Даля

обращают на себя внимание несколько слов, несомненно связанных с интересующих нас словом. Это, во-первых, завихоривать – *начаться вихрю, метели; мчатся вихрем* [I:560]; во-вторых, в статье "Ветер" Даль пишет: "по силе своей ветер бывает – ураган, жестокий, сильный, шторм, буря; по постоянству силы – ровный, порывистый, шквалистый и т.д.; по постоянству направления – пассатный; постоянный; изменчивый; смерч, вихрь или заверть, т.е. *круговой*" [I:334]. И наконец, в-третьих, слово вир – "омут, водоворот, ямина под водой с родниками или с коловоротом *быстро течения*; пучина, заверть" [I:206], добавим от себя – коловерть. Таким образом, областное слово завируха не случайно. Это снежный круговой вихрь [ср. уже устоявшееся – круговорот событий], в котором погибает лирический герой ("коль мог спокойно умереть..." без сопротивления) [ср. также замятня – "стар. *возмущенье или смуты* [политические – И.С.] //метель, вьюга" [Даль, I:603].

Итак, нами рассмотрены все случаи употребления слов метель, вьюга, пурга, а также замять, завируха, пороша в творчестве Есенина. После анализа мы имеем следующее: образов 1 класса – 28 (слова в прямом значении, включенные автором в неожиданный контекст, получают иногда иное смысловое наполнение), образов 2-го класса – 5; образов 3-го класса – 48. Образов 4-го класса (напр., аллегория) в "снежных" стихотворениях С.Есенина мы не встретили, хотя это не означает, что в поэзии Есенина их нет, но мы не задавались целью найти данные образы. Полученная картина весьма характерна, как нам кажется, не только для поэтического языка Есенина, но и для поэзии в целом, так как традиционно об образе мы говорим тогда, когда в состав его речевого воплощения входят любые тропы. Это самые распространенные образы. Как видим, поэт "опирается" на общеизвестные ассоциации, поскольку при трансформации универсальных смыслов – "пространство", "время", "человек", "событие" [4, с. 67,68] – ассоциации всегда единичны, индивидуальны. В этом смысле даже его оригинальная теория о заставочных, корабельных и ангелических образах – это движение от метафоры, через развернутую метафору к символу [11, с. 232;13, с. 109]. Таким образом поэт в понимании данного образа "не вышел за рамки" литературного и национального культурного контекстов, органически соединив традиции народного творчества и классической русской литературы [11;12, с. 5].

Повторяющиеся образы остаются в сознании читателя наделенными своеобразной суммой коннотаций. Так, слово метель (а также пурга, вьюга) приобрело постоянное значение и закрепило "сумму" коннотаций: "белая", "седая", "синяя"; "злая"; "поет", "свищет, свистит" и т.д.; "символ тревог, испытаний". "Изучение процесса становления "суммы" коннотаций повторяющихся сквозных образов", "их связи с коннотациями фольклорных образов и их влияния на общенародное эстетическое восприятие определенных реалий" – задача, требующая коллективных усилий [4, с. 74].

После проведенной работы определилась схема анализа, демонстрирующая его этапы:

0. Текст – лейтмотив образов [1 автор, разные авторы];
1. Язык –
  1. Словари толковые;
  2. Словари синонимов.

2. Компонентный анализ.

II. 1. Речь 1. микроконтекст [хронологически]:

А) словари толковые: а. использованное (неиспользованное) значение;

б. опущенное значение;
в. приращение значения.

Б) словари синонимов: а. используемые слова;
б. неиспользуемые слова;
в. окказиональные синонимы

2а. контексты:

– творчество

текст,

2а. периоды творчества:

– эпоха

цикл,

а) по хронологии;

– традиция

книга,

б) по порядку.

– национальная культура

период.

Таким образом, данные материалы можно использовать при составлении учебных пособий и в практике преподавания языка как родного, так и иностранного, поскольку подобный подход демонстрирует органическую, естественную связь (от смысла слова к смыслу текста) языка и литературы.

Литература

1. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. – Красноярск, 1983.
2. Ховаев В.И. Семантические наращения образа в ассоциативном ряду слов // Семантика слова и синтаксические конструкции: Межвуз. сб. науч. труд. /Редкол.: проф. З.Д.Попова [Отв. ред.] и др. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – С. 74-84.
3. Виноградов В.В. Проблемы содержания и формы литературного произведения. – М., 1977.
4. Чернухина И.Я. Семантика образного слова в поэтическом тексте // Семантика слова и синтаксические конструкции: Межвуз. сб. науч. труд./ Редкол.: проф. З. Д. Попова [Отв. ред.] и др. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – С. 65-74.
5. Чернухина И.Я. Очерк стилистики художественного текста. – Воронеж, 1977.–208 с.
6. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 520 с.
7. Соколова И.Г. Звуковые образы метели в произведениях С.А. Есенина // Функциональная лингвистика. Материалы конференции / Редкол.: А.Н. Рудяков [Отв. ред.] и др. –Симферополь: Сонат, 1994. – С. 15 – 17.
8. Стернин И.А. Лексическое значение слова и речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.
9. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. - М.: Наука, 1968. – 272 с.

10. Юдкевич Л.Г. Лирический герой Есенина. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1971. – 210 с.
11. Базанов В. Сергей Есенин и крестьянская Россия.– Ленинград. отдел: Сов. писатель, 1982. – 302 с.
12. Галкина-Федорук Е.М. О стиле поэзии Сергея Есенина.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.– 87с.
13. Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. - Л.: Наука, 1969. – 198 с.
14. Эвентов И.С. Человек и природа в лирике Есенина // Вопросы литературы. - 1979. – № 11. – С.84-115.
15. Бондалетов В.Д., Силаева Г.А. “...На своем рязанском языке...” (Образ Родины в поэзии С.Есенина) //Сергей Есенин. Поэзия. Творческие связи: Межвуз. сб. науч. труд. / редкол.: Шахов В.В. [Отв. ред.] и др. – Рязань: Гос. пед. институт, 1984. – С. 134-153.
16. Новикова М.А. Прекрасен наш союз. – К.: Рад. письменник, 1986. – 224 с.
17. Дрыжакова Е. В волшебном мире поэзии. – М: Просвещение, 1978. – 205 с.
18. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. - 1979. – №1. – С. 91-102.
19. Эткинд Е. Разговор о стихах. – М.: Дет. лит., 1970. – 240 с.
20. Новикова М.А. Испытание // Вопросы литературы. - 1983. – №10. – С. 145 – 168.
21. Новикова М.А., Столярова Е.В. “Поединок роковой” (Драматический цикл М.Цветаевой “Романтика”) //Вопросы русской литературы: Межвуз. науч. сб./ Редкол.: проф. В.П.Казарин [Отв. ред.] и др. – Симферополь: Соратник, 1993. – С. 70-78.
22. Жбанкова Т.С. Диалектные формы в системе образных средств и стихах С.Есенина // С.А.Есенин. Поэзия. творческие связи: Межвуз сб. / Отв. ред. Шахов В.В. – Рязан: Рязан. пед. институт, 1984. – С. 153-159.
23. Русский язык за рубежом. - 1985. – № 5. – С. 17 – 24.